

ПОВЫШАЕМ СВОЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

Ю.Н. СТОЛЯРОВ

Библиотекарь, он же учитель

О взаимосвязи библиотечной
и педагогической профессии

Есть истины и факты, которые представителям одной профессии кажутся азбучными и хрестоматийными, а представителей профессии родственной искренне изумляют.

Именно так обстоит дело в вопросе о соотношении учительской профессии и библиотечной специальности.

ЧТО БЫЛО, КОГДА ШКОЛ НЕ БЫЛО

Каждому, думается, понятно, что существовало время, когда ещё некому было учить детей грамоте, потому что никто не готовил самих учителей. Откуда же взялись учителя изначально?

Ответ на этот вопрос таков: за несколько тысячелетий (!) до появления учительской профессии были люди, приобщённые к таинству грамоты, пониманию и толкованию текстов самого различного содержания. Этими людьми поначалу были жрецы, храмовые служители, которых и в Ветхом, и в Новом Завете именуют книжниками. Они же одновременно исполняли обязанности и библиотекарей, т.е. необходимые книги отбирали, систематизировали, размещали и хранили. В порядке вещей было и собственно написание книг ими самими или переписывание нужных текстов, сочинённых другими авторами.

Библиотека изначально рассматривалась как одновременно и учебное заведение. Именно ей принадлежит приоритет в организации первоначального этапа постановки обучения детей. Самые ранние исторические свидетельства гласят, что ещё в 988 году князь Владимир собрал в Киеве детей знатных лиц и отдал их «на учение книжное». Куда отдал? В библиоте-

ку, разумеется, ибо книги имелись именно и только там.

Никаких учебников в ту пору, естественно, ещё не было, да никому и в голову не приходила идея такого жанра литературы. Детей учили по священным книгам, то есть брали религиозные тексты и по ним объясняли буквы, учили понимать смысл слов, а потом и предложений.

Нестор

Повесть
временных лет

Ярослав Мудрый, получивший это свое прозвание за книголюбие и мнотчение, призвал в Новгороде до трехсот детей, чтобы «учити книгам». Как сообщает «Повесть временных лет» (1037), Ярослав «собрал книгописцев множество... и написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным». «Учение книжное» — самое естественное выражение в тексте «Повести», ибо иной способ быть образованным в те времена исключался.

«Велика ведь бывает польза от учения книжного, — констатирует “Повесть временных лет”; — книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания... Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь книги часто читает, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и Жития Святых отцов, получаем для души великую пользу».

О первых древнерусских школьных библиотеках мне уже доводилось писать на страницах нашего журнала¹. Вернусь к этому тексту уже с другой стороны: ведь созданные святой Евфросинией библиотеки были одновременно и школами, а сама она была и настоятельницей двух монастырей, и библиотекарем, и учительницей в одном лице. Умению читать, писать, считать, рассказывать наизусть, петь

(молитвы) — в первом цикле обучения; осваивать иностранные языки, природоведение, риторику, медицину, историю (особенно родословие Роговолодовичей, прошлое Полоцкой земли и всего восточного славянства) — во втором цикле — она обучала именно в библиотеке, на книгах ею же собираемого библиотечного фонда.

Памятник Евфросинии Полоцкой

Когда, собирая детей в помещении библиотеки, Евфросиния воспитывала у своих подопечных терпение и воздержание от пороков, чистоту душевную и телесную, обучала «ступа-

нию кротку, гласу смирену, слову благочесну, ядению и питию безмолвну, при старейших молчати, мудрейших послушати, к старейшим покорением, к... меньшим любовь без лицемерия, мало вещати, а много разумети», она выступала более как воспитатель, нежели как библиотекарь. Трудно разделить в ней библиотекаря и учителя, когда она обучала читателей красноречию, а наиболее одаренных — поэтике.

Монастырские уставы предписывали монахам регулярно, в определенные часы собираться в «книгохранительной комнате» и читать книги по строго обязательному списку. Большое значение придавалось чтению вслух — как в книгохранительнице (книгохранилище, книжнице, либерсе), как тогда называли библиотеку, но и в процессе монастырских занятий — при трапезе, в больницах и пр.

Чтение книг рассматривалось как подвиг во имя церкви; подчеркивалось, что читающий книги «обновляется, и просвещается, и спасается». Руководили чтением, а тем самым и обучением, и просвещением, естественно, библиотекари — наиболее образованные люди из монашеской братии.

Соединение функций библиотеки и учебного заведения было свойственно и Западной Европе XII–XIII веков.

Средневековый университет Западной Европы представлял собой синкретическое учреждение, в котором каждый профессор был заинтересован в создании и поддержании в порядке фонда книг по своему предмету. Обучение строилось по принципу: профессор снимал книгу с полки, читал ее школярам (так назывались поначалу студенты), а те быстро за ним записывали ее краткое или полное содержание. Затем стремились выучить записанное максимально близко к оригинальному тексту (зазубрить). Функции профессора и библиотекаря в большинстве случаев сливались воедино.

В России большие новшества принесли с собой светские библиотеки, начавшие возникать в XVIII веке. Выдающийся деятель Петровской эпохи Федор Степанович Салтыков — чего стоит один только его проект экспедиции для отыскания морского пути в Индию через Северный Ледовитый океан — выдвинул идею создания специальных — учебных — библиотек, ориентированных на обучение контингента учителей и удовлетворение запросов учащихся в возрасте от 6 до 23 лет. В своих «Пропозициях», адресованных Петру I, он советовал «велеть из разных языков и из разных наук делать библиотеки как в Англии — в Оксфорде и

¹ См.: Столяров Ю.Н. Первые древнерусские школьные библиотеки: к 900-летию со дня рождения Евфросинии Полоцкой (1102—1173) // Ю.Н. Столяров // Школьная библиотека. — 2001. — № 8. — С. 3–5.

Кембридже»². Строить (организовывать) учебные (а также научные) библиотеки можно, по его мысли, только лицам, «которые видали то строение в других государствах». Иными словами, он одним из первых понял, что библиотекарь должен обладать специальными знаниями.

БИБЛИОТЕКАРЬ И УЧИТЕЛЬ В ОДНОМ ЛИЦЕ

При Петре I школа выделилась из библиотеки и стала существовать как самостоятельный общественный институт. Однако от низких и средних до высших учебных заведений долгое время — до XX века, когда возникла профессиональная подготовка и переподготовка библиотекарей, — было традиционным соединением должности библиотекаря и учителя.

Феофан Прокопович

Образованнейший человек своего времени, крупный государственный и церковный деятель, писатель Феофан Прокопович (1681—1736) в составленном в 1721 г. для Синода «Духовном регламенте» считал естественным слияние в школе обязанностей библиотекаря и учителя. Этот специалист обязан устанавливать

порядок работы библиотеки (для учителей быть открытой «по вся дни и часы... только бы книг по келиам не разбирали, но чли бы оные в самой библиотечной канторе. А ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы»), обеспечивать правильную постановку ее работы и — что самое главное — руководить чтением учащихся.

В день своего дежурства учитель превращался в библиотекаря, выполняя в «библиотечной канторе» всю организационно-техническую работу. Он был обязан спрашивать ученика о том, произведение какого автора тот читал, что записал, «а если чего не разумел, то б ему объяснил учитель». Чтение «скоро человека... превращает в иного, хотя бы прежде грубых был обычаев»³.

Еще один крупный деятель Петровской эпохи, Борис Михайлович Салтыков, поставил воп-

рос о специальной подготовке библиотекарей. В проектируемой им Публичной библиотеке должна функционировать школа, «в которой участники — дети и служители их — будут обучаемы без всякой платы, с возможною исправностью, российской грамоте и арифметике». Школа будет готовить «множество искусных чтецов [библиографов], исправных писцов [каталогизаторов], проворных счетчиков и достойных книгодержателей [книгохранителей]»⁴. Как видим, библиотека и здесь выступает одновременно в качестве (специального) учебного заведения.

Библиотека с XVIII в. представляет в учебном заведении его неотъемлемую составную часть, основное (не вспомогательное, как сейчас) структурное подразделение учебного назначения. С письменными и печатными текстами вплоть до начала XX в. работали самые образованные люди, обладавшие двумя равнозначными умениями. Одно из них состояло в умении писать, читать, понимать, переводить, хранить книгу. Другое — уметь передавать свои знания другим людям, тем из них, кто не был причастен к таинству смыслов, прячущихся за непонятными значками. Такие люди были особо почитаемы, они-то и составили корпус библиотечных специалистов.

В появившихся с середины XIX в. российских университетах установилась традиция избирать библиотекарей из числа самых достойных профессоров. Свой след одновременно в библиотечном деле и на учебно-научном поприще оставили, например, Ф.Ф. Рейсс (1778–1852) — физик, химик, первооткрыватель явления электрофореза, академик Медико-хирургической академии и Российской академии, доктор медицины и хирургии, профессор Московского университета.

Будучи библиотекарем (директором) Московского университета, он восстановил сгоревшую в 1812 г. библиотеку, превратив ее в одну из лучших в России и Европе. Свой опыт и рекомендации другим библиотекарям Ф.Ф. Рейсс изложил в книге «Расположение библиотеки Императорского Московского университета, сделанное библиотекарем Фердинандом Фридериком Рейссом (М., 1826).

Профессоров в университетах, академиков в Академиях наук было много, но библиотекарями избирали лучших из лучших, и

² Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. — М.: Педагогика, 1985. — С. 56.

³ Там же. — С. 49.

⁴ Цит. по: Григорьев Ю.В. История русского библиотековедения / Ю.В. Григорьев // Столяров Ю.Н., Ю.В. Григорьев (1899–1973)/Ю.Н. Столяров. — М.: Книжная палата, 1989. — С. 125.

должность библиотекаря считалась чрезвычайно престижной.

Совмещали в своей деятельности функции ученого, преподавателя и библиотекаря и другие специалисты. Так, академик Карл Бернгард (Карл Антонович) Триниус (1778—1844) — знаменитый ботаник, специалист по систематике и морфологии злаков, лекарственных растений, был библиотекарем основанного им же музея, собранного из валявшихся в сарае старого здания богатейших ботанических коллекций. В 1829 г. ему доверили преподавать естественные науки наследнику царского престола (будущему императору Александру II).

Библиотекарь Пулковской обсерватории Василий Яковлевич Струве (1793—1864), астроном и геодезист, в 1813 г. стал экстраординарным профессором Дерптского университета, в 1818—1820 гг. возглавлял кафедру астрономии. За классические труды в области практической астрономии, астрометрии, геодезии, двойным звездам и т.д. в 1832 г. был избран действительным членом Петербургской академии наук.

Академик Филипп Васильевич Овсянников (1827—1906) — библиотекарь Физиологической обсерватории, с 1858 по 1862 год заведовал кафедрой физиологии Казанского университета, в 1864—1886 гг. — кафедрой анатомии и физиологии, а затем и вплоть до 1902 года был заведующим анатомическим и анатомо-гистологическим кабинетом Петербургского университета. Он известен как один из основоположников нейрогистологии и нейрофизиологии.

Николай Лобачевский

В течение 12 лет библиотекарем Казанского университета был великий математик, создатель неевклидовой геометрии профессор Николай Иванович Лобачевский (1792—1856). Он имел обыкновение ставить свою библиотечарскую должность выше ректорской, подписывал документы выражением «библиотекарь и ректор

Казанского университета Н.И. Лобачевский.» В библиотеке он ввел множество новшеств, внимательно изучаемых и современными библиотековедами.

В начале XX века в подавляющем большинстве (84,2%) народных библиотек работали учи-

теля, тогда как доля представителей других профессий была на порядок ниже: писари — 3,8%, священнослужители — 3,1%. «Чистыми» библиотекарями было всего 1,4% персонала. Они имели практическую и самообразовательную подготовку.

Долгое время библиотекарей в России никто не готовил, они доходили до всего своим умом.

Когда началась профессиональная подготовка библиотекарей (1913, Московский Народный университет им. А.Л. Шанявского), учителя составляли 8,7% общего контингента слушателей.

РАЗДЕЛЕНИЕ ПРОФЕССИИ БИБЛИОТЕКАРЯ И УЧИТЕЛЯ

Исторически во всем мире сложилось так, что потребность в специальной подготовке преподавательских кадров была осознана гораздо раньше, чем необходимость профессиональной подготовки библиотекарей (последняя сомнений долгое время не вызывала). В нашей стране учителей начали готовить почти на сто лет раньше, чем библиотекарей. Учителя за это время прочно забыли, откуда они родом, и постепенно стали воспринимать библиотечарские обязанности сначала как побочные, а потом и как вовсе не имеющие отношения к своей основной работе. Они воспринимают их как возможность приработка, соответственно так к ней во многих случаях и относятся.

Такому отношению весьма способствует и позиция Минобрнауки России. Это происходит, в частности, от плохого знания своей предыстории. Проходит мимо поля зрения наших лиц, принимающих решения, и лучший западный опыт, где подготовка библиотекарей-педагогов либо педагогов-библиотекарей — дело привычное, если не сказать, заурядное.

Пора бы и нам вернуться к старой доброй традиции: говоря о библиотекаре, подразумевать и учителя, говоря об учителе, иметь в виду, что он нуждается и в библиотечарской квалификации.

Было бы понимание этого вопроса, прежде всего, на самом веру — в Государственной Думе, в Министерстве образования и науки Российской Федерации, — а организационно, методически и всяко иначе библиотекоседы к его решению давно готовы.